

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.3

Положение личности в современном информационном обществе

© Р. С. Чистов¹, С. О. Медведев^{2*}

¹Сибирский федеральный университет
Россия, 660041 г. Красноярск, проспект Свободный, 79.

²Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева
Россия, 660037 г. Красноярск, проспект им. газеты Красноярский рабочий, 31.

*Email: medvedev_serega@mail.ru

Настоящая работа посвящена осмыслению положения личности в информационном обществе, в условиях трансформации, связанной с цифровыми технологиями. Основное внимание уделяется человеку и состоянию его субъектности и ответственности. При этом устанавливается, что одним из важнейших трендов модернизации общества является активное внедрение принципов устойчивого развития. Современная технологическая платформа и формирующаяся на ее основе цивилизация, автоматизация и роботизация, искусственный интеллект и другие функционирующие артефакты способствуют активному, системному симбиозу живого и неживого, природного, человеческого и механического начала. Развитие и нарастание влияния видеоконтента, переход рационального и эмоционального интеллекта человека в удаленный доступ, формирование из кусочков цифровой мозаики аватара человека в киберпространстве, с одной стороны, и вытеснение человека из занятости и новые формы получения дохода, монополизация права на использование цифрового следа человека и Hi-Tech в целом в руках отдельных мегакорпораций, тотальный брендинг и маркетизация, с другой стороны, предъявляют целый ряд требований к личности и ее ответственности за себя и происходящее в обществе. Результаты философских, социологических и нейрофизиологических исследований показывают, что самосознание человека происходит в результате социализации, сопровождающейся нарративной коммуникацией. Развивающаяся активность от первого лица, проходящая через воспитующий механизм свободы/ответственности, формирует сознательность и вменяемость человека, то есть личность, способную к социальной активности и рефлексии. Сегодня мы наблюдаем перманентную утрату способности человека к рассуждению и рефлексии, переход от нарративной к сигнальной коммуникации, редуцирование сложного человеческого и социального опыта к простым схемам. Растворение экзистенциальной сущности человека в цифровых кодах ведет к утрате востребованности личности как таковой в социальном мире. Таким образом, существующая ситуация уже сама по себе активизирует дискурс об актуализации человеческой идентичности и осознанной социальной свободы, с одной стороны, и институционализации на различных уровнях социо-гуманитарной экспертизы происходящих событий и процессов, с другой.

Ключевые слова: цифровизация, технологическая платформа, устойчивое развитие, вторая природа, искусственный интеллект, информационное общество, цифровой след, человек, сознание, общество потребления, мотивация.

Одним из важных трендов современного мира является ориентация на принципы устойчивого развития. Однако в данном контексте возникает широкий класс вопросов личностного и социального характера. В значительной степени расширяются горизонты философского

осмысления данных процессов в связи с цифровизацией практически всех аспектов жизни общества.

Влияние современной цифровой действительности на социум можно рассматривать как минимум на двух уровнях. На более поверхностном из них, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация и автоматизация определяют трансформацию образа жизни людей, социализацию личности и ее позиционирование в обществе, изменение смысловой картины мира человека. Однако на более глубоком уровне говорить о цифровом мире полноценно становится сложно. Здесь можно обратить внимание на мнение М. Маклюэна, согласно которому имеет смысл что-то кратко сказать, и далее обратиться к ресурсам понимания [1].

Можно предварительно зафиксировать тот факт, что мы находимся в той точке истории, из которой хорошо видно, что такое лиминальность. Нельзя сказать, что мы сталкиваемся с ней непосредственно, но складывается ясное ощущение того, что период «жизненных перемен» или «кризисов развития» – это не только фигура речи. Здесь действительно возникает какая-то предельность, конечность. Все это можно различать через различного типа оптику, например через Римский клуб, являющийся одним из родоначальников исследований в сфере устойчивого развития, и Университет Сингулярности (Singularity University). Это будут разные оптики, языки, порождающие тексты и смыслы, которые требуют изначальной настроенности на витальные вопросы, а только потом на повседневные.

Какие же положительные и отрицательные условия для жизни и развития индивида формируются в связи с развитием цифрового мира? Что будет происходить с человеком, его сознанием, идентичностью, субъектностью и самопозиционированием в таком обществе? Какие требования к развитию личности возникают в новых социальных обстоятельствах?

Прежде всего, нам иногда кажется, что здесь нет никакого нерва. Эпоха цифровизации и автоматизации, новый концепт и феномен – все это имеет определенный информационный базис. На наш взгляд, та онтологическая конструкция, которую построили первые поколения кибернетиков, а именно – конструкцию противопоставления живого и машины – это ложная онтологизация, которая загоняет нас в целый ряд ловушек. Поэтому было бы разумно точнее онтологизировать пару «машина-автомат». Эта позиция основывается на работах Э. Морена, на его методе, предполагающем, что именно машина есть ткань всего окружающего нас, ткань живого, и одновременно ткань конечного [2].

Проблема современного мира состоит в том, что существуют целый ряд мест, которые должны были бы занимать понятия и категории. Однако их занимают, например, PR-концепты, PR-лозунги, PR-вординг. Вместо того чтобы строго и понятийно описывать реальность, слова используются глобальными корпорациями, чтобы выстроить ряд заманчивых коммерческих предложений и привлечь частные и государственные инвестиции. Формируется последовательность странных понятий и терминов – например, искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI). Нередко слово «виртуальное» используется в современном мире в извращенном смысле. То, что для любого, всерьез погруженного в философию человека, является описанием виртуального существования как существования творчества, превращено в снотворчество, и описывает технику производства снов.

Если мы говорим об электроматерии, то говорим о том, что действительно сталкиваемся с возникновением блокчейна, с новой электрической реальностью. Хотя бы потому, что блокчейн – это первый случай объекта в этой электроматериальной реальности, который не может

быть уничтожен, отредактирован, и в этом смысле является вещью, реальностью. Как известно, реальность происходит от слова *realitas*, где корень *rēs* – вещь, предмет, проистекающий из латинского языка и римского права. Вещь – это то, что нельзя развидеть, что связывает несколько индивидуальных сознаний.

Если в рассуждениях мы выходим на новую технологическую платформу, то необходимо вспомнить, что, говоря сегодня о неизбежной роботизации (которая ожидает нас гораздо раньше, чем мы думаем, во вполне короткие сроки), мы идем к тому, что сначала Цицерон, потом немецкая философия, потом Х. Ортега-и-Гассет называли второй природой и призывали ее беречь, поддерживать и понимать, что без человеческой поддержки она может быстро исчезнуть, разрушиться и перестать существовать [3]. Второй природой они называли ту техноплатформу, на которой живет цивилизация. Эта вторая природа в ходе роботизации может слиться с первой и стать неотличимой от нее. Пересев на рельсы смарт-контрактов, систему роботизированного управления, мы придем к тому, что все материальное производство будет происходить без участия людей. В этом смысле человек не будет понимать, откуда берется яблоко в его холодильнике, который будет подключен к IoT. Человек будет брать из холодильной камеры это яблоко, как 5 тыс. лет назад его срывал с дерева охотник и собиратель – мезолитический человек присваивающей экономики. Так мы обнаружим, что то историческое время, которое было видно как прямую, свернется в петлю.

Можно вспомнить дискуссии нескольких последних десятилетий, когда скептики спрашивали тех, кто использует понятие «постиндустриальное» о том, что оно собой представляет. Во-первых, позитивный или негативный оно носит оттенок, а во-вторых, какое оно, если используется приставка «пост». Мы обнаруживаем, что постиндустриальное такое же, как доиндустриальное, только после. Люди не работали в индустрии, и опять не будут в ней работать. Не жили, и не будут жить по заводскому гудку. То, что людей и человеческого ресурса в целом стало больше, происходит потому, что вторая природа стала более мощной. Вторая природа сделала первую более мощной, для того чтобы нарастить ресурсы для своего собственного обеспечения.

Если мы понимаем, что объясняет Л. Мамфорд в «Мифе машины» про то, что первые машины – это социомашинны, машины из людей, или организационные машины, то мы понимаем, что петля гораздо шире [4]. Она начинается в неолите и возвращает нас к пренеолиту, к мезолитическому человеку, к тому самому собирателю, который тысячи лет назад срывал яблоко с дерева, а послезавтра будет срывать его с IoT Fridge, и большой разницы между этими процессами не будет.

Вся эта природа, которая будет обнимать или охватывать человека со всех сторон, одновременно будет автоматизирована. Законы роботизированной экономики будут исполняться с неумолимостью законов природы. Первая и вторая природы сольются в одно. Однако те немногие, кто будут сидеть за пультами и клавиатурами, кто будет знать чит-коды (для взлома), закладывая их в систему, будут магами или богами этой системы. С точки зрения цивилизованного, культурного человека это маги, которые похищают энергию творца и преобразуют ее в эти магические псевдочудеса внутри системы. Они окажутся реальными хозяевами людей через эту вторую природу.

Следующее, что несложно заметить, это – концепт и феномен миграции интеллекта и удаленного интеллекта. На наш взгляд, понятие «Искусственный интеллект» (Artificial Intelligence, AI) не совсем корректно, поскольку интеллект может быть только искусственным.

Интеллект всегда наносится на человека, который учится ему. Если ребенок попадает в ситуацию, которую Р. Киплинг смоделировал в своем Маугли, он не становится человеком, у него не возникает интеллект. Он становится плохим животным, с плохим приспособлением к новым условиям. В КНР существует известный кейс, в котором описывается ситуация, когда находятся дети, которых воспитывали панды. Из них получились плохие панды.

Однако уже существует другой феномен, который отчасти является рекламно-коммерческим, PR и даже GR понятием относительно AI – Remote Access Intelligence (RAI), интеллект удаленного доступа. Можно внимательно присмотреться к человеку, который получил автоматизацию какой-то своей интеллектуальной функции. Например, индивид может не запоминать телефонные номера. В итоге он начинает терять память на номера. Индивид может пользоваться калькулятором, и тогда он теряет skills в сфере mental math (устного счета). Человек приобретает навигатор в автомобиле и перестает читать карту.

Это события последних десятилетий. И если посмотреть более широко на то, как снижается чтение с нарастанием видеоконтента, то мы поймем, что когда М. Маклюэн отказывался ответить прямо на вопрос, ведет ли телевидение к безграмотности, то он просто не хотел упрощать свое высказывание [5].

Следует еще раз подчеркнуть, что интеллект автоматизируется, и он всегда был программой. Только ранее эти программные продукты и среда устанавливались на белковом материале, на людях, а теперь они мигрируют на полупроводниковые пластины. В результате одна за другой интеллектуальные функции переносятся с белкового носителя на кремниевый – в облако, в собственность тех компаний, которые строят эти интеллектуальные решения и тем самым приватизируют наш интеллект. Теперь он переходит в удаленный доступ, и мы так или иначе должны платить за доступ к своим интеллектуальным функциям. Причем мы экстраполируем этот процесс без какой-либо Science fiction квалификации, так как это не фантастика, а очевидная вещь, которая уже происходит с нами.

Итак, в зависимости от темпов, человек, с одной стороны, теряет рациональный интеллект, который мигрирует и становится Remote Access Intelligence. С другой стороны, человек уже давно потерял собственный эмоциональный интеллект, поскольку программа любой медийной среды, (масс-медиа XX–XXI века) старается убрать в удаленный доступ от человека эмоциональный интеллект. Тем самым она превращает его в мега-машину управления потребительскими предпочтениями, образами жизни, фактически полностью моделируя эмоциональный интеллект человека. Сегодня суггестия происходит через мультимедиа, а вчера – через массмедиа. Таким образом, и рациональный, и эмоциональный интеллект постепенно удаляются, приватизируются, а человек становится тем, кто находится между своим физическим субстратом и интеллектом.

Все указанные выше действия опираются на моноонтологический подход. Чтобы любая конструкция хорошо работала и легко собиралась, она должна быть обоснована необходимостью для человека, и иметь единую онтологию. Великая монотеистическая традиция, которая была возведена в христианской цивилизации за столетия возведения здания Европы, сменилась постепенным похищением ее сущности, очищением от всей ажурной многосложности, освобождением от подробностей. В этом смысле давно понятно, что онтологический мир может быть организован по-разному. В мире могут быть его разные онтологические описания, они могут сосуществовать. Однако, как ни странно, этот «угнанный» аватар (в смысле современного сленга) Бога соседствует со взломанным аватаром человека. Взломанным потому, что

любой человек раньше был в некотором смысле аватаром высшего антропологического типа – идеального человека. Каждый человек в некотором смысле был аватаром этого идеального человека. Сегодня же на месте этого совершенного создания формируется сложная машина удаленного рационального и эмоционального интеллекта, роковой суггестии по Б. Поршневу, когда у человека удален интеллект оценивающий, то есть восприятие и обработка этого восприятия [6]. Таким образом, мы видим предельное расширение и одновременную имплозию человека. Так возникает распределенный человек, между субстратом и интеллектом, о котором нельзя уже однозначно сказать – человек разумный. Это уже в большей степени мезолитически присваивающий потребитель. При этом очевидно, что человек интеллектом не исчерпывается. Существуют, как минимум, еще сознание и психика. Это надежды такого человека.

Итак, если мы посмотрим на эту систему двунаправленного контроля, когда с одной стороны моделируется желание, а с другой – интеллектуальные способности, то увидим корпорации, которые владеют этим удаленным интеллектом. В какой-то момент возникает монополия или олигополия на подобного рода технологии. Так мы получаем фараона, от которого уходила монотеистическая европейская цивилизация. При этом если говорить о последствиях влияния на общество этого фараона, то никакого драматизма для подавляющего числа людей в этом не будет. Их рациональный интеллект будет удаленным, эмоционально смоделированным, и в этом смысле им будет хорошо. Как в Ветхом Завете было тоже хорошо египтянам. Рабы в древнем Риме не ходили с плакатами «Да здравствует феодализм и светлое будущее всего человечества!». Эти люди будут вполне счастливы, но они будут не люди, а какие-то иные существа.

Таким образом, предварительно возникает вопрос о свободе. Течем ли мы, как водоподобная субстанция, в каналы нового фараона или ищем выходы из этой ситуации.

Следующий концепт и феномен, подлежащий рассмотрению, это цифровой след. Можно использовать метафору пляжа, на котором очень много следов, где мы оставили огромное количество единиц информации. Объем информации на индивида составляет несколько десятков гигабайт информации.

Сегодня существуют сервисы проверки nickname, поскольку есть необходимость, возможность и даже желание человека застолбить себе место под свою некую субличность в цифровом мире. Это происходит с нами в совершенно разных сервисах, где мы порождаем нечто подобное себе, и в этом плане мы уже живем в мире множественности онтологий, которые плохо связаны, однако люди стремятся их связать. Они хотят, чтобы nickname был везде единый. При этом далее становится понятно, что не так важны элементы системы, сколько связи между различными системами.

Что происходит с цифровым следом человека? Например, существует проект Everlife.AI как персональная сеть аватаров искусственного интеллекта, который с помощью методов машинного обучения создает, анализирует и сохраняет аватар конкретного лица, который является его копией [7]. В частности, фиксируются знания и воспоминания, которые аппроксимируют прошлое человека.

Журналисты обеспокоены тем, что статьи за них пишут алгоритмы машинного обучения. Эти работы практически неотличимы от стандартной публицистики, например, от статей Digiday, журнала для онлайн-СМИ. На сегодняшний день машины не способны только отрефлексировать тексты.

В медицине методы Data Science и Big Data позволили создать систему распознавания редких генетических заболеваний по форме лица. Работа системы охватила 17 тыс. детей с более чем 200 различными синдромами [8]. Она превзошла первоклассных докторов в точности определения заболеваний в трех отдельных случаях. Существуют скоринговые таблицы, показывающие, в каких областях врачи побеждают или уступают интеллекту удаленного доступа (RAI).

В дополнение к вышесказанному, можно привести метафору битого стекла как фрагментации неких частей цифрового мира, аффилированного с человеком, которые тяготеют друг к другу. В частности, мы начинаем ассоциироваться с кошельком в широком смысле слова, который содержит в себе деньги, водительские права и многое другое. Чтобы общаться с миром, мы должны быть ассоциированы именно с таким объектом. Сейчас уже существует большое количество банковских приложений, криптокошельков, которые имеют тенденцию рано или поздно стать единым целым. Сначала мы видим функционирование классического материального кошелька, переход к карточкам, которые содержат ключ от банковского счета. Далее выпускаются приложения, интегрированные в смартфон и обеспечивающие доступ к криптокошельку. Еще далее происходит разделение криптовалютных кошельков на холодные и горячие. В завершение процесса формируется единый кошелек, связанный с биометрическим слепком человека (комбинация из отпечатков пальцев, дыхания, голоса, ритмов сердцебиения и др.). Создается единый цифровой профиль личности. По существу, это доступ к аватару.

В конечном итоге, обобщая все вышесказанное, возникает ряд вопросов.

Что, по существу, представляют собой новые технологии и что будет происходить с человеком под влиянием описанных технологических изменений? В чем суть современных социальных и технологических метаморфоз? Следует помнить, что год за годом идет разработка биологического двухъядерного процессора, аналогичного цифровому.

Что такое «Я», что такое человек? Who am I? Самостоятельно созданный (сгенерированный) контент? Связи, созданные им? Контент, созданный другими в отношении его? Этот контент – часть его жизни или часть цифровой личности? Или часть социокультурной трансакции между другими, каким-то образом связанными с человеком людьми?

Зачем нужен человек, если можно создавать цифровые записи на счетах такими же алгоритмами машинного обучения (аватарами) и которые могут управляться согласно тем или иным конечным заданным вариантам?

Также возникает вопрос, где субъективная часть выбора, а где рационализованная объективная часть? Когда мы используем в быту дебетовую карту, работая с ней в банкомате, то является ли это, по существу, субъективным процессом? Или мы отказываемся от субъективного в пользу всеобщей редукции и сведения мира к объективно-рациональному? Может быть, в таком случае, глупость – это не отсутствие ума, а такой ум? Тогда человек ограничен и рационален, а в этой ограниченной рациональности проявляется его субъективная сущность. Если мы перманентно объективизируем это и, как следствие, рационализируем происходящие вокруг процессы, то где мы оставляем пространство для нашей субъективной сущности? Вообще, нужно ли нам это пространство и для чего?

Когда мы сводим себя к кошельку, то тогда речь идет о «Я» уже в третьем лице, то есть объективистски. Однако если мы говорим о «Я» в первом лице, субъективистски, то кому это «Я» в первом лице нужно, кроме самого человека и какое место осваивается им?

Попробуем ниже представить примерные ответы на эти вопросы в виде развернутых комментариев, которые в целом отражают авторскую позицию.

Прежде всего, начнем с общей социокультурной ситуации в мире и в России в частности. По авторскому мнению, определенной точкой отсчета в понимании устройства современного общества может считаться период начала 20 века. Рассматривая отечественную историю, можно сказать, что большевики возглавили крестьянскую революцию, взяв на себя лозунги [9], и втянули страну в модерн. В итоге произошло разрушение крестьянства, коллективизация, индустриализация и рост городского населения. Появилась городская буржуазия. Во многих языках слово «гражданин» восходит к слову «горожанин», «бюргер», «ситизен», «мещанин». Когда эти люди выходят на историческую сцену, начинается формирование нации и огораживание. То есть то, что происходит до сих пор. В 60-х гг. XX века на карте мира изображали границы новых государств при распаде колониальных систем, и была уверенность, что Банту объединятся с Банту, Йоруба с Йоруба, Ашанти с Ашанти, а Зулу с Зулу. Однако ничего подобного не произошло. Сохранились границы колониальных государств, поскольку сформировавшаяся за колониальное время буржуазия не захотела отдавать «свое». Сегодня этот процесс продолжается на примере истории Бельгии, Шотландии и других стран. Придумывается, брендируется то, чего никогда не было, то есть брендирование своих регионов и борьба за «свое».

М. Фуко в своих работах показывает глубокую аналитику истории. Он приводит примеры, как горожане, в случае если село голодало, закрывали ворота и не пускали селян в города, огораживались от них [10]. Сегодня идея электронной Лапуты – очередная стадия огораживания каких-то новых субъектов активности. В этом плане происходит социальное разделение на разработчиков hi-tech, их администраторов и «остальных», и по мере технического развития этих разработчиков вполне сможет заменить AI.

Уходит и растворяется в ничто миф о формировании middle class, и начинается позиционирование Э. Сноудена и Д. Ассанжа. По Б. Гройсу, на арену выходят новые политические акторы – системные администраторы, которые считают, что все должно быть в доступе [11]. Сложно что-либо сказать однозначное с точки зрения мотивации действий этих людей, но то, что эти люди превратились в политические фигуры, не вызывает сомнения. В данном контексте выстраивается алгоритм, когда та или иная организация работает над системой защиты информации. В скором времени появляются хакеры, представляющие угрозу имеющейся информации. Далее находятся спецслужбы, которые призваны пресекать деятельность хакеров. Мы вступаем в зону взаимного, тотального контроля, в духе «Шоу Трумана». Новая политическая реальность возникает на глазах.

Что касается иных социальных последствий формирования постиндустриального (цифрового) общества, то сегодня уже есть угроза вытеснения человека из занятости. Современные формы получения дохода носят сложный характер. Произойдет ли переход к иным формам занятости? Э. Тоффлер писал, что по мере перехода занятости из первичной сферы (собирачество) во вторичную (переработка) и третичную (сервис), по мере автоматизации и роботизации, человек выдавливается в четвертичную сферу деятельности, которая связана с искусством, творчеством, благотворительностью и прочим романтизмом, в который, как показывает история, верить опасно [12]. Идея перехода от общества выживания к обществу свободной самореализации, по карте Р. Инглхарта, показывает, что некоторые страны уже пошли обратно, то есть справа налево [13]. Швеция и другие скандинавские страны, Германия и часть

штатов США голосуют все более за правый блок. История движения слева направо снизу вверх в «шведскость» напоминает историю Рима в период прихода варваров.

Сегодняшний интеллект в удаленном доступе, по существу, есть не что иное, как продолжение органопроекции, по Э. Каппу и П. А. Флоренскому, или создание человеком второй природы [14]. Таким образом, Personal computer и Artificial intelligence – это очередная стадия органопроекции, когда человек делегирует очередной ряд своих функций куда-то, освобождая себя от них.

Социальная мотивация здесь выражается в том, что посредством этого освобождения мы становимся счастливее, начиная заниматься чем-то другим. По существу, это современный способ формирования общества потребления, которое уже было в Римской империи, которая никому не проиграла войну, а была взята варварами. Поскольку люди утратили иммунитет и жили, по сути, в обществе массового потребления. Книги по исторической демографии на эмпирическом материале показывают, что в истории побеждают народы с высокой рождаемостью. Народы с низкой рождаемостью, которые формируются с нарастанием изобилия, в итоге просто уходят.

Идея с Big Data, о которой говорилось ранее, основана на фундаментальной атрибуционной ошибке, когда о поступках человека судят по его мотивации. От того, что индивид зашел в книжный магазин, выводят следствие, что он любит книги. На самом деле, он мог спрятаться от дождя, или что-то присмотреть для своего приятеля. Однако чем больше будет накапливаться таких баз данных, чем больше будет Big Data вокруг аватара индивидуума, тем больше вероятность того, что эта фундаментальная ошибка будет сокращаться дальше. В этом состоит широкая социальная и коммерческая перспектива, на этом построена Nudge technologies, за которую Р. Талер в 2017 г. получил премию по экономике памяти А. Нобеля за вклад в области поведенческой экономики [15].

Современный маркетинг, основанный на Big Data, создает ситуацию, которую Д. Агамбен называет «новой животностью». Не просто деградация, возвращение к животности, а новая животность. Современные технологии и общество изобилия дают возможность не только удовлетворить любую потребность. Мы живем в обществе, которое, по существу, является прямой реализацией великого проекта гуманизма Просвещения, в котором все для человека, во имя человека, и этот человек – каждый из нас. Автомобиль тюнингуют под потребителя, аппаратные компоненты компьютерной системы подбирают под пользователя, индустрия fashion работает на клиента. Так кластеризация достигает индивида, как в товарном маркетинге, так и в политическом. В итоге ценностная вертикаль традиционного общества (потребность в безопасности, справедливости, свободе и т.д.), нивелируется и превращается в рубрикаторы рынка массового потребления. Таковы последствия модернизации, продуктом которой в частности является ценностной релятивизм как проявление общества массового потребления, которое может удовлетворить любую артикулированную потребность. Современные технологии позволяют стимулировать любую потребность, и современный маркетинг заключается не столько в том, чтобы найти нишу и ответить на запрос клиента, сколько создать этого клиента за счет формирования спроса своими руками.

Все современные технологии, про которые мы слышим и которыми частично владеем, действительно поражают воображение. Можно сказать, что уровень развития цивилизации, с которым мы имеем дело, человечество еще не знало. Первая цена продавца уходит, появляется первая цена покупателя, и на глазах меняются экономические отношения. Совершенно

очевидно, что современное общество не собирается отказываться от этих достижений, но, как и у любого цивилизационного тренда, от использования технологий есть неоднозначные последствия.

Прежде всего, следует отметить фактор скорости, с которой происходят вышеуказанные процессы и явления. Во-первых, скорость и качество самих процессов, процедур и операций. Практика игры человека с AI в шахматы, покер и в Го это легко доказывает. Во-вторых, скорость внедрения технологий. Можно представлять текущее положение в виде социального хоррора, но в определенном контексте «будущее» уже незаметно пришло.

Также есть ряд обстоятельств гуманитарного плана, на которые можно обратить внимание. Например, это скорость передачи интеллектуальных функций и работа с экраном. Это является предметом дискуссии педагогов Японии, США и России. По А. Дамасио, когда человек работает с экраном, клавиатурой и гаджетом, у него не активируются префронтальные зоны лобных долей мозга, отвечающие за наррацию, рассуждения и память [16]. Портится почерк, возникают некоторые проблемы с памятью. Активизируются только зрительные центры.

Таким образом, возникает задача сохранения способности индивида к наррации, рассуждениям и развитию памяти как эвфемизма сознания. С одной стороны, память выступает как функция сознания, а с другой – является условием единства личного сознания и тождества личности. Как известно, когда в ходе экспертизы уполномоченные органы хотят выяснить, вменяемый или нет тот или иной человек, то его спрашивают, какой сейчас год, какое сегодня число, кто ваши родители и т.д. В целом же способность человека вписать себя в определенный нарратив – это и есть его сознание. Предварительными инструментами человека для противостояния указанной тенденции могут стать рост двигательной активности, развитие мелкой моторики, практика письма. В частности, это усиление внятной работы с написанным текстом и связями внутри него, чем с фрагментами вбитого текста, а также практика порождения новых текстов.

Скорость оборота информации приводит к тому, что человек прекращает заниматься наррацией, постепенно утрачивает эту способность и переходит к перформативам. Осуществляется какая-либо внешняя, поверхностная активность индивида, без внутреннего усилия по порождению нового. Приходит молодое поколение, которое знает, где взять материал, и это один из элементов профессионализма, когда человек знает, где искать материалы. Он может искать материал, выбирать опции, однако активируя при этом не свой алгоритм. Это можно диагностировать и назвать геймерским сознанием, когда от человека требуется реакция, навык в нажатии правильных опций, а не рассуждения. По существу, это и есть новая животность. Это ситуация, когда не просто удовлетворяют и стимулируют потребности индивида, а когда он просто реагирует на них. Человек ведет себя как животное, которое только сканирует реальность, а построить иную модель себя и окружения, заглянуть туда, в трансцендентное, где порождается новое, он зачастую уже не в состоянии.

Можно предположить, что индивид все же находится в состоянии к порождению нового, но у него нет мотивации. И тогда данный вопрос будет сводиться к новой мотивационной парадигме. Однако необходимо понимать, что мотивация – это не причина поведения, а его объяснение. Что такое мотивация поведения другого человека, нам не дано знать, чем и объясняется впечатляющее количество концепций мотивации. Это только объяснение, интерпретация, диспозиционное качество, которое проявляется в момент его появления, а далее начинаются домыслы и достраивание уже существующих линий рассуждения. Например, в юридической

сфере людей судят не столько за сам поступок, сколько за мотивацию. Это отчетливо видно при работе сторон обвинения и защиты при судебных разбирательствах. Эти стороны приводят доказательства в свою пользу, строят аргументированные позиции и гипотезы, выражают мнения, а после может выясниться то, что все они ошибочны и не соответствуют действительности и положению дел. Таким образом, мотивация – это объяснение поведения, и всегда при некотором интеллектуальном усилии можно найти еще более глубокую мотивацию и построить ее конструкцию.

Дело в том, что человеческое сознание – это не совсем интеллект, а в большей степени ответственность. Ситуация, когда зона свободы человека совпадает с зоной его ответственности. С человека можно спросить только тогда, когда он принимал решения. В споре Н. А. Бердяева и М. М. Бахтина о первичности свободы и ответственности, на наш взгляд, более корректен М. М. Бахтин. Ж. П. Сартр и Н. А. Бердяев называли свободу «дырой» или «бездной» в бытии (как добытийное, внебытийное начало бытия) [17]. В духе же М. М. Бахтина свобода берется от других людей, и недаром сознание не возникает без коммуникации с другими людьми (родителями, учителями и т.д.) [18]. Только при условии коммуникации с себе подобными возникает сознание, когда человека вырывают из круга причинно-следственных связей и замыкают их на него. Он становится *causa sui* – причиной самого себя, всего происходящего. По существу, человека «нагружают» ответственностью, и в результате закрепления нейронных связей того, что «это ты сделал» (мог не сделать), возникает сознание. Понимание того, что это ты и можешь ты делать. Таким образом, существует свобода «от» и свобода «для». Есть воля как инстинкт свободы и свобода как осознание воли или ответственность. В свою очередь человеческий разум – это мера рассматриваемой ответственности, а вовсе не воля, которая нередко ведет к произволу вместо вменяемого поведения.

Современный сдвиг гуманитарной парадигмы происходит на глазах. Например, становится понятно, что экономика и политика не могут быть самоцелью. Если они самоцельны, то тогда мы имеем дело с отдельными российскими реформами. Экономика и политика – это инфраструктура, которые создают некие условия, которые нужны для возникновения, развития и сохранения чего-то.

Культура также не может быть самоцелью. Декларация прав культуры (например, по Д. С. Лихачеву) – неоднозначная позиция, потому что культура не может быть актором права. Культуры не вступают в диалог, поскольку каждая культура самодостаточна, и нормативно ей никакая другая культура не нужна. В диалог вступают носители культуры, недостаточные существа, люди, которым нужен другой опыт. Никаких прав у культуры нет, так как она не субъект права. Как только культура становится самоценной и самодостаточной, начинается шовинизм, радикальный национализм и т.п. Таким образом, всякая культура – это инфраструктура.

Однако человек, в глобальном понимании, – это тоже не всегда хорошо, и XX век это убедительно доказал. В. Шаламов глубоко прав, обвиняя русскую культуру в гуманизме, когда под флагом «все во имя и во благо человека» происходило достаточно много неоднозначных событий. Когда стало понятно, что цели неподсудны, так как все хотят добра, а подсудны средства, которые используются для достижения конкретных целей.

Итак, человек тоже является инфраструктурой, обеспечивающей возникновение и существование чего-то такого, что без него пока не существовало. Это сознание, как чувствовали свободу. Возможность заглянуть за экран, способность к проектированию и трансцендированию в иное. При этом повторимся, свобода человека производна от его «нагрузки» ответственностью

другими людьми. Даже без привлечения божественной сущности, хотя идея монотеизма чрезвычайно важна для возникновения западной цивилизации. Потому что для того, чтобы возникла наука, должна быть идея того, что мир создан единой волей, и этот замысел един. Этот замысел разумен, и человеку дана способность этот замысел распознавать и анализировать. Можно все объяснить и без божественного происхождения, хотя право – это теологическое занятие. Мы зачастую видим ханжество права, хотя никакой презумпции невинности нет. Есть презумпция ответственности, что человек разумен и вменяем. В противном случае дальше начинаются смягчающие или отягощающие вину доказательства. Когда человека из вменяемости погружают в причинно-следственные связи, освобождая от ответственности и необходимости думать и осознавать ситуацию и свое положение в ней.

Таким образом, результатом работы сознания становятся факты нашей личной биографии и жизни в целом, которая становится никому не нужна. Это есть самый проблемный момент, если мы не разберемся с сознанием в первом лице. Если самосознание (сознание в первом лице) оказывается лишним, как в примере с электронным кошельком, тогда мы оказываемся в сюжете рассказа Р. Бредбери «Будет ласковый дождь», когда в бытовом техном мире есть все, кроме человека. Необходимо понимать, что «Я» – это не кошелек, а нечто большее. Человек без свойств – это и есть его identity. Identity человека – это не то, что он есть сейчас, в той или иной позиции, поскольку «Я» – это тот, который еще не существует. Любой автор, способный на акт мысли и творчества, эту проблему прекрасно знает. Например, он завершает работу над книгой, выступает на ее презентации, и к нему обращаются с вопросами. Однако автор уже другой, и думает о другом, а то, что уже есть – это скучно и неинтересно. Книга и любые другие творения уже пережиты им, и он движется дальше от текущего момента.

Человек является существом, которому не дано всей полноты знания. В результате он, как конечное в пространстве и времени существо, пытается постичь бесконечное разнообразие мира всегда с какой-то точки зрения, позиции, ракурса, смысла. Смысл – это порождение конечного существа, пытающегося понять, постичь бесконечное. Это факт его личной биографии.

По Я. Э. Голосовкеру, человеком движут 3 группы мотивов (побудов): вегетативный, когда хочет выжить биологический организм или биоиндивид; сексуальный, когда выжить хочет род; культурный – побуд к бессмертию, поскольку каждый из нас видит, слышит, чувствует и понимает так, как никто никогда не услышит, не почувствует и не поймет [19]. В результате кто-то пытается это сохранить: свою уникальную неповторимость виденья, понимания и чувствования. Душа хочет сохраниться разными способами. И человек хочет сохранить нечто не только для себя, а он хочет показать это нечто другим и выпасть с этим нечто в культурный «осадок». И вот это уникальное неповторимое «Я» в первом лице, которое ставит задачу машине, в современных условиях, судя по всему, утрачивается. Начинает работать «Формула Лимфатера» С. Лема, когда априорное знание упаковано в некую запрограммированную мозгом-мыслящую машину, которая лежит на полке ученого. Однако этот мозг-машина уже обладает сингулярностью. В связи с этим можно вспомнить позицию М. М. Зощенко, отраженную им в повестях «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца», о том, что жизнь создана проще, обиднее и не для интеллигентов.

Сегодня машина начинает сама себя обслуживать, и тест А. Тьюринга уже давно пройден. Если мы ранее моделировали сознание в третьем лице, то сегодня оно уже моделируется само по себе. Например, существуют роботы, которые отвечают на вопросы, причем отвечают

грамотно с предварительным совещанием. Однако тот же А. Тьюринг говорил, что вопрос не в том, может ли машина мыслить, а в том, может ли человек мыслить, и если может, то не утрачивает ли он эту способность [20].

Любая компьютерная игра, созданная человеком – это конечный лабиринт, а любой бесконечный игровой мир – это фрактальная организация этих конечных лабиринтов. Тогда напрашивается предположение, почему бы машине не создавать игры. Тем более что их не требуется много, поскольку люди на практике играют длительный срок в одну поливерсивную игру и не требуют новых версий.

С одной стороны, мы всегда жили в условиях геймификации. Например, дети через игру познают мир. Вся жизнь игра, и мы играем разные роли. Однако в некоторые игры мы играем всерьез, поскольку есть Identity. Есть точный критерий – это то, над чем человек не смеется. Кому-то смешно, что кто-то в полдень использует ковер и бьет головой в пол в сторону Мекки, а для кого-то это – самое важное. Это самосознание, это то, за кого человек держит сам себя. Он играет в разные игры, но все они – приключения кого-то одного, поскольку в противном случае у человека начинается кризис идентичности.

В силу неустойчивости и неопределенности описанной выше ситуации с технологиями и новой культурой в целом возникает проблема социально-культурного инжиниринга и гуманитарной экспертизы. В частности, появляется понимание того, что анализу подлежат не просто технологии как таковые, а технологии, вписанные в контекст, который их порождает и который в свою очередь порождают они. Человечество столкнулось с проблемой ограниченности научных исследований. Например, проблемы клонирования, история со стволовыми клетками и эмбрионами – зависят от конкретной религиозной культуры. В христианских странах такая проблема есть, в Южной Корее или Китае – уже нет. В Индии некоторые животные обладают большей значимостью, чем человек.

Экспертиза – это не запрет, или простое оценивание того, что делается хорошо или плохо. Это оценка не только последствий, но и реализации и начала запуска технологий в рамках тех или иных проектов и программ. В ходе реализации любого проекта не всегда получается то, что предполагалось, поэтому имплементация тоже предполагает гуманитарную экспертизу. В итоге разработки могут ударить по разработчикам. Например, какого рода человеческий капитал нужен для той или иной разработки. Не все способны к разработке, и чем дальше общество идет в геймерское сознание, тем хуже становится ситуация. Как известно, в США вдвое сократилось количество патентов на изобретения. Наделись на творчество, а его нет, поскольку утрачивается навык борьбы и поиска, а интеллект и воображение делегируются куда-то, в очередную органопроецию. Или, например, оценка того, что произошло с российскими реформами Е. Гайдара, под фразами которого можно подписаться, если бы они работали. Он говорил, что в реформах была одна ошибка – не учли человеческий материал и психологию российских граждан.

Если какая-то разработка чревата угрозой свободе, тогда вся система рухнет. Это абсолютный критерий гуманитарной экспертизы. Некоторые разработки угрожают «Я» в первом лице и возможности трансцендированию в иное, превращая его в геймера, который только «банит», «лайкает» и покупает.

Таким образом, авторская позиция заключается в том, что нужны гуманитарная экспертиза и ее институционализация, комплексная организация экспертной работы с участием нескольких экспертов с ответами на этические, психологические, лингвистические, экономические и

иные вопросы. Необходимы анализ того, в каких случаях она востребована, и соответствующий мониторинг такого рынка. И необходимо понимать имеющийся контекст.

Согласно М. К. Мамардашвили, человек – это постоянное усилие быть человеком [21]. Усилие, которое появляется из желания сохранить сознание от первого лица. В античности усилие полисного жителя возникало от понимания, что в случае, если этот город не будет охраняем им, то он будет взят врагом. Пусть даже если это будет высоко закрепленное усилие немногих. Отдельный ремесленник может не быть озабочен своей городской антропологией, а воплощать более простой мотив – производство и продажу изделий. Однако в таком случае его положение в целом становилось неустойчивым при нападении и всеобщих грабежах. Отсутствие оборонительных стен приведет к тому, что придут иные народы и присвоят амбары. Так возникают понятия частного интереса, расчета, убежища и всеобщего подвига.

Разговор о том, что что-то есть, и в эпоху Античности, и сегодня, возможен только тогда, когда есть наблюдатель, у которого есть оптика, способность и возможность осуществлять измерения. Способен ли сегодня человек по-прежнему понимать, что происходит, сохранять свою личностную идентичность, свое внутреннее «Я», и самоцельно жить в существующей культуре, быть субъектно-включенным в текущие технологические, социальные, политические, экономические и иные процессы. Способен ли он в целом к конструированию социальной реальности в цифровом мире, с применением технологий гуманитарной экспертизы, в том числе с опорой на ресурс, связанный с ее институционализацией. Может ли он ставить вопрос не о том, каким будет будущее, а почему оно будет таким. Ответы на эти вопросы зависят от уровня ответственности и самоопределения личности в современном обществе.

Таким образом, реальность цифрового общества сегодня требует развития личности и социальных отношений на новом, более высоком уровне, который характеризуется общностью целей и интересов, норм и ценностей в новом формате и горизонтах. При этом, учитывая активный интерес современного общества к вопросам устойчивого развития, роль личности в общественном развитии будет лишь возрастать. Огромную роль при этом будут играть процессы цифровизации, позволяющие повышать эффективность множества действий в обществе, открытость и доступность информации, а также оперативность решения разнообразных вопросов.

Подводя итоги проведенного исследования, следует указать на ряд ключевых выводов и обозначить авторскую позицию по выходу из текущего состояния общества. Одним из главных выводов необходимо отметить то, что неизбежная роботизация и автоматизация большей части хозяйственных и социальных процессов в мире ведет к формированию у людей и общества в целом новых «хозяев» посредством владения ими уникальными качествами по обработке информации и управлению комплексом технических устройств. В свою очередь, автоматизация интеллекта влечет за собой все большее упрощение задач, решаемых человеком. При этом сами решения носят удаленный характер, за который самостоятельно отказавшиеся от него люди платят довольно высокую цену. Рациональный интеллект постепенно заменяется на интеллект удаленного доступа. Главным вопросом современного общества и личности в нем становится необходимость выбора своего будущего. Оно видится в двух вариантах: либо идти по пути с новыми «хозяевами», добровольно соглашаясь на постепенную потерю своей личности и интеллекта, либо искать выход из складывающегося общества потребления со всеми вытекающими последствиями. При этом первый путь неуклонно ведет к постепенному вытеснению человека из занятости. Однако, что более важно, мировая цивилизация неоднородна, и те

нации и государства, которые идут по первому пути, будут постепенно «вымирать», «гибридно завоевываться» другими нациями и обществами, с комплексами других ценностей, более активными. Старение общества в европейских государствах компенсируется бесконечным потоком мигрантов – это одна из самых ярких иллюстраций происходящих процессов.

Готово ли современное общество, каждый индивид к таким вызовам – большой вопрос. Хотя практика доказывает, что в глобальном плане общество не только готово, но даже стремится к такому новому миру. Авторы данного исследования в целом не разделяют данной позиции. При этом вполне логично, что общество будет продолжать двигаться по пути развития цифровизации и потери ряда ключевых функций интеллекта. Очевидный выход – компенсация возможных потерь альтернативными решениями, выход каждого человека из создаваемой новой реальности в «первобытный мир» и решение простых бытовых задач в более широкий контекст, которые позволили бы сохранить утрачиваемый функционал. С сохранением природного и человеческого в человеке и одновременно присвоением технических достижений, с опорой на принцип ответственности. В идеале при таком подходе произойдет не просто сохранение «Я», а его развитие. При этом реализация такого альтернативного пути развития общества должна поддерживаться и стимулироваться на всех уровнях – от отдельной личности до государственных органов, и во всех сферах жизнедеятельности человека. В качестве примера можно привести явный аспект, требующий серьезной корректировки – система обучения. Необходим переход от образовательных механизмов, в которых ключевым элементом является тестирование – выбор ответов (нажатие «правильных» кнопок), к развитию мышления и системы знаний, умению решать реальные задачи, soft, hard и digital skills.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10002, <https://rscf.ru/project/22-78-10002/>.

Литература

1. Маклюэн Г. М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с.
2. Морен Э. *Метод. Природа природы*. М.: Канон+, 2013. 488 с.
3. Винник У. Р. Особенности подхода представителей экзистенциальной философии к трактовке техники // *Приволжский научный вестник*. 2014. №3(31). С. 148–149.
4. Мамфорд Л. *Миф машины. Техника и развитие человечества*. М.: Логос, 2001. 416 с.
5. Архангельская И. Б. Г. М. Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации: продолжение человека» // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2008. №4. С. 228–229.
6. Поршнева Б. Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // *Историческая психология и социология истории*. 2010. №2. С. 193.
7. Personal avatar network // Everlife.AI. URL: <https://everlife.ai>.
8. Сухина Т. С. Оцифрованный человек в оцифрованном мире // *Философия хозяйства*. 2019. №2(122). С. 277–283.
9. Манифест об усовершенствовании государственного порядка. НПП «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000>.
10. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сacд, 1994. 408 с.
11. Белобеев В. Конец истории: философ Борис Гройс о человеке, животном и бюрократах утопического государства // Теории и практики. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/6770-konets-istorii-filosof-boris-groys-o-cheloveke-zhivotnom-i-byurokratakh-utopicheskogo-gosudarstva>.
12. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2010. 784 с.
13. Локшин И. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154916>.
14. Терешкун О. Ф. Антропологическое осмысление техники (Э. Капп и П. Флоренский) // *Приволжский научный вестник*. 2013. №9 (25). С. 47–48.

15. Паниди К. А. Нобелевская премия по экономике-2017: вклад Ричарда Талера // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. Т. 21. №4. С. 702–703.
16. Дамасио А. В попытках понять сознание // TED Conferences. URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness/transcript?language=ru.
17. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: Правда, 1989. С. 12–250.
18. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Infolio. Электронная библиотека. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/otvetstv.html>.
19. Шекова Е. Л. *Менеджмент в сфере культуры: российский и зарубежный опыт*. СПб.: Алетейя, 2006. 185 с.
20. Тьюринг А. *Может ли машина мыслить*. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. 67 с.
21. Мамардашвили М. К. Европейская ответственность // Омелия. Международный литературный клуб. URL: <https://omiliya.org/article/evropeyskaya-otvetstvennost-merab-mamardashvili>.

Поступила в редакцию 13.02.2023 г.

После доработки – 19.02.2023 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.3

The position of the individual in the modern information society

© R. S. Chistov¹, S. O. Medvedev^{2*}

¹*Siberian Federal University
79 Svobodny Avenue, 660041 Krasnoyarsk, Russia.*

²*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31 Krasnoyarsky Rabochy Avenue, 660037 Krasnoyarsk, Russia.*

**Email: medvedev_serega@mail.ru*

The article is devoted to understanding the position of an individual in the information society, in the conditions of transformation associated with digital technologies. The main attention is paid to a person and the state of their subjectivity and responsibility. At the same time, it is established that one of the most important trends in the modernization of society is the active implementation of the principles of sustainable development. The modern technological platform and the civilization forming on its basis, automation and robotics, artificial intelligence and other functioning artifacts contribute to an active, systemic symbiosis of the living and inanimate, natural, human and mechanical principles. The development and increasing influence of video content, the transition of rational and emotional intelligence of a person to remote access, the formation of a digital mosaic of a person's avatar in cyberspace, on the one hand, and the displacement of a person from employment and new forms of income generation, the monopoly on the right to use the digital footprint of a person and hi-tech in general appropriated by several mega corporations, total branding and marketing, on the other hand, impose a number of requirements on the individual and their responsibility for themselves and for the state of society. The results of philosophical, sociological and neurophysiological studies show that a person's self-consciousness occurs as a result of socialization, accompanied by narrative communication. The developing activity from the first person, passing through the educational mechanism of freedom/responsibility, forms the consciousness and sanity of a person, that is, a person capable of social activity and reflection. Today we are witnessing the permanent loss of a person's ability to reason and reflect, the transition from narrative to signal communication, the reduction of complex human and social experience to simple schemes. The dissolution of the existential essence of a person in digital codes leads to the loss of the relevance of the individual as such in the social world. Thus, the existing situation itself activates the discourse about the actualization of human identity and conscious social freedom, on the one hand, and the institutionalization at various levels of socio-humanitarian expertise of the events and processes taking place, on the other.

Keywords: digitalization, technological platform, sustainable development, second nature, artificial intelligence, information society, digital footprint, human, consciousness, consumer society, motivation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Chistov R. S., Medvedev S. O. The position of the individual in the modern information society // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 1. Pp. 29–45.

References

1. McLuhan H. M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: The extensions of man]*. Zhukovskii: KANON-press-Ts, 2003.

2. Morin E. *Metod. Priroda prirody [Method: The nature of nature]*. Moscow: Kanon+, **2013**.
3. Vinnik U. R. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*. **2014**. No. 3(31). Pp. 148–149.
4. Mumford L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva [Myth of the machine: Technics and human development]*. Moscow: Logos, **2001**.
5. Arkhangel'skaya I. B. G. M. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. **2008**. No. 4. Pp. 228–229.
6. Porshnev B. F. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. **2010**. No. 2. Pp. 193.
7. Personal avatar network. Everlife.AI. URL: <https://everlife.ai>.
8. Sukhina T. S. *Filosofiya khozyaistva*. **2019**. No. 2(122). Pp. 277–283.
9. Manifest ob usovershenstvovanii gosudarstvennogo poryadka. NPP “Garant-Servis”. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000>.
10. Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The order of things: An archaeology of the human sciences]*. Saint Petersburg: A-cad, **1994**.
11. Belobeev V. Teorii i praktiki. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/6770-konets-istorii-filosof-boris-groys-o-cheloveke-zhivotnom-i-byurokratakh-utopicheskogo-gosudarstva>.
12. Toffler E. *Tret'ya volna [The third wave]*. Moscow: AST, **2010**.
13. Lokshin I. Karta kul'turnykh tsennostei Ronal'da Ingkharta. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154916>.
14. Tereshkun O. F. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*. **2013**. No. 9 (25). Pp. 47–48.
15. Panidi K. A. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. **2017**. Vol. 21. No. 4. Pp. 702–703.
16. Damasio A. TED Conferences. URL: https://www.ted.com/talks/antonio_damasio_the_quest_to_understand_consciousness/transcript?language=ru.
17. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]*. Moscow: Pravda, **1989**. Pp. 12–250.
18. Bakhtin M. M. Infolio. Elektronnyaya biblioteka. URL: <http://www.infolib.info/philol/bakhtin/otvetstv.html>.
19. Shekova E. L. *Menedzhment v sfere kul'tury: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Management in the field of culture: Russian and foreign experience]*. Saint Petersburg: Aleteiya, **2006**.
20. Turing A. *Mozhet li mashina myslit' [Can machines think?]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoi literatury, **1960**.
21. Mamardashvili M. K. Omiliya. Mezhdunarodnyi literaturnyi klub. URL: <https://omiliya.org/article/evropayskaya-otvetstvennost-merab-mamardashvili>.

Received 13.02.2023.

Revised 19.02.2023.